5 АПРЕЛЯ 1996 Г. ТРУД-7

прил. к газ. Труд

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ СОВЕРШИЛ ЕГО НЕ ОДИН. РЯДОМ БЫЛА ЖЕНЩИНА

Читатели "Мастера и Маргариты", быть может, помнят, что герои романа, будущие возлюбленные, встретились в самом центре Москвы.

"Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину!"

Автор не фантазирует. Такая встреча действительно состоялась. Вот как рисует ее сама участница.

"...Я встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: "Я не могу без тебя жить". И я ответила: "И я тоже". И мы решили соединиться, несмотря ни на что".

Итак, встреча, определившая судьбу двух уже не молодых людей, — не плод фантазии писателя, она и впрямь имела место, но в отличие от романа это была не первая их встреча. Первая произошла полутора годами раньше, на масленице, у общих знакомых, куда Елене Сергеевне (так звали ту, что стала прототипом Маргариты) поначалу не хотелось идти. Лишь узнав, что "у них будет знаменитый Булгаков", отправилась без колебаний. "Уж очень мне нравился он как писатель".

Визит, стало быть, носил сугубо литературный характер, да и не мог быть иным, ибо эта 35-летняя женщина была замужем, растила двух сыновей и имела все основания гордиться супругом. Евгений Александрович Шиловский был крупным военачальником, доктором наук, профессором.

К знакомым на блины она тем не менее явилась одна — Шиловский находился в командировке.

"Сидели мы рядом... У меня развязались какие-то завязочки на рукаве... я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тутто я его и привязала на всю жизнь".

А он — ее. Степенная женщина, мать двоих детей, она буквально "...смотрела ему в рот и, — признается Елена Сергеевна в одном из писем, — ждала, что он еще скажет смешного. Почувствовав такого благодарного слушателя, он развернулся вовсю и такое выдал, что все просто стонали. Выскакивал из-за стола, на рояле играл, пел, танцевал...".

Тут надо заметить, что Булгаков был не просто мастером, он был мастером на все руки, человеком, отлично знавшим, ну ладно, литературу, но и театр, музыку, балет. В Большом театре служил... Все это откроется Елене Сергеевне уже позже, а тогда... Тогда она видела лишь его глаза.

"Глаза у него были ярко-голубые, но когда он расходился так, они сверкали, как бриллианты".

Разумеется, подобное сравнение может прийти в голову только женщине, и женщине, уже неравнодушной. Уже чувствующей, хотя и не отдающей себе отчета в этом, что перед ней тот, кого она так долго и почти безнадежно ждала.

Поздней осенью 1968 года, незадолго до смерти, перебирая свои старые, пожелтевшие, ветхие письма, написанные еще до встречи с Булгаковым, Елена Сергеевна обнаружит одно, адресованное в Америку сестре Ольге, — забытое письмо это, чудом вернувшееся к ней, поразит ее. "Ты знаешь, Оленька, — писала в нем молодая и такая счастливая вроде бы женщина, — я не могу объяснить, почему, но я очень тоскую, ведь я люблю Женю (отца), ведь я обожаю малыша (Женечку), но в душе все время тоска, я не вижу смысла в моей жизни, мне недостает чего-то".

Теперь, кажется, она поняла — чего. И еще поняла, "что столкнула их... сама судьба и что созданы они друг для друга навек".

Назавтра после блинов отправились кататься на лыжах, потом был театр, был актерский клуб, была бильярдная, где она страстно "болела" за своего нового друга — и так изо дня в день, из вечера в вечер, пока наконец бедняжка не взмолилась: она устала, ей надо отдохнуть, надо отоспаться — пусть он сегодня не звонит. (Муж все еще не вернулся из командировки).

Булгаков обещал. В девять вечера она, дисциплинированная жена, легла спать, а в три ночи затрезвонил телефон. "Оденьтесь и выйдите на крыльцо", — повелительно прозвучал в трубке голос, который она мгновенно узнала бы среди тысячи других голосов.

Она подчинилась — разве могла она не подчиниться этому голосу! — оделась и тихонечко вышла.

Ярко светила луна, Булгаков, весь белый в ее свете, стоял у крыльца. Не говоря ни слова, лишь прикладывая палец к губам — "Тсс!" — повел ее на Патриаршие пруды, к скамейке, где, прошептал загадочно, "они увидели его в первый раз". (Начальные главы "Мастера и Маргариты" были уже написаны — как раз здесь, на этом самом месте, начиналось действие). Потом поднялся с нею на третий этаж стоящего поблизости дома, позвонил, и им открыл "роскошный старик, высоченного роста, красивый, с бородищей, в белой поддевке, в высоких сапогах".

Гостей ждал у пылающего камина богато и изысканно сервированный стол. Сидели до утра, живописный старик попросил разрешения поцеловать даму в щечку, дама позволила, и он, целуя, прошептал завороженно: "Ведьма! Ведьма! Приколдовала".

Позже Булгаков признавался, что именно в ту ночь роман его осветился по-новому: появилась любовная линия. ("За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?") Появилась героиня, которую звали, как в "Фаусте", Маргаритой, и Маргарита эта, современная московская женщина, превращалась под воздействием чудесной мази в ведьму.

Елена Сергеевна так и не узнает никогда, что это была за таинственная квартира у Патриарших, что это был за старик; на все ее расспросы следовал неизменный ответ, что и квартира, и старик, и та лунная ночь — все это ей, дескать, приснилось. Тем не менее, даря ей, к тому времени ставшей уже его женой, свою книжицу — книжица называлась "Дьяволиада", — написал: "Ты совершишь со мной мой последний полет".

Но пока что она жена чужая, и со дня на день — оба отлично помнят это! — вернется из командировки законный муж.

Муж вернулся. Но встречи продолжались. "И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женою".

Была у Мастера, как, впрочем, и у его создателя, жена явная, официальная, но в романе даже имени ее герой не в состоянии вспомнить: то ли Манечка, то ли Варенька. В реальности тогдашнюю официальную супругу Булгакова — вторую его супругу — звали Любовью Евгеньевной. Приветливая веселая женщина, она занималась конным спортом и давала смешные клички окружающим. Именно с ее легкой руки близкие называли Булгакова Микой... Вообще во всей этой истории не было плохих людей, все четверо уважали друг друга, что делало неизбежный разрыв еще болезненней. "Моя драма в том, — говорит Маргарита, — что живу я с тем, кого я не люблю, но портить ему жизнь считаю делом недостойным. Я от него ничего не видела, кроме добра..."

Летом Елена Сергеевна с мужем уехали в Ессентуки — то была первая ее разлука с Булгаковым. Он писал ей письма, он сорвал, засушил и отправил ей розу, он послал ей... свои глаза. Не фотографию, а аккуратно вырезанные из нее глаза.

Муж, однако, мог легко узнать их: булгаковские глаза не спутаешь ни с чьими другими, и она надежно прятала необычный подарок, лишь иногда позволяя себе украдкой взглянуть. "Она открыла нижний ящик... и из-под груды шелковых обрезков достала то единственно ценное, что имела в жизни. В руках у Маргариты оказался старинный альбом коричневой кожи, в котором была фотографическая карточка Мастера..."

Фотографическая карточка — не глаза, а именно карточка, полный портрет — у Елены Сергеевны действительно была, Булгаков изобрел способ преподнести ее возлюбленной, не вызывая подозрений мужа. Он вклеил ее рядом с титульным листом в томик "Белой гвардии", изданной в Париже на русском языке. Автор запечатлен здесь в щегольской бабочке, губы тронуты озорной полуулыбкой, на лоб спадает светлая прямая прядь...

"Никто не знал о нашей связи, — говорит Мастер, — за это я вам ручаюсь, хотя так никогда и не бывает. Не знал ее муж, не знали знакомые".

Елена Сергеевна самокритично признавала, что осторожность ее граничит с трусостью. С трусостью и ненадежностью. Так и подписала однажды — Трусикова-Ненадежная — ответную свою телеграмму в Крым, куда он, уехав на гастроли с театром, звал ее и даже приглядел местечко в пансионате.

Она не поехала. Лучше, решила, по-прежнему встречаться в Москве — огромный город укроет их куда надежней.

И все-таки муж узнал. Разразился скандал. Есть даже свидетельства, что Шиловский, человек военный, выхватывал из кобуры пистолет... Жена поклялась, что никогда больше не увидит Булгакова.

"Мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась, и я не видела Булгакова 20 месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу".

Двадцать месяцев (на самом деле чуть меньше: полтора года) она свято держала слово, а потом произошла та самая нечаянная, неожиданная для обоих встреча в переулке... И она решилась.

"Муж ее был молод, красив, добр, честен и обожал свою жену... Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире... Что же нужно было этой женщине?! — вопрошает повествователь, столь узнаваемо нарисовавший под вымышленным именем реальную женщину, высокопоставленную московскую даму, и сам же отвечает на свой вопрос: — Ей нужен был он, Мастер".

Что, однако, мог посулить возлюбленной полунищий Мастер? Ничего... А потому, как умел, отговаривал ее от безрассудного шага. "Со мною будет нехорошо, и я не хочу, чтобы ты погибла вместе со мной".

Но, может быть, это преувеличение? Может быть, у реального мастера, знаменитого драматурга Булгакова, которого ставили в Лондоне и Париже (за что, впрочем, он не получал ни гроша), дела обстояли не так уж плохо?

Увы, плохо. Печатание романа "Белая гвардия" было прервано, новые драматические сочинения, с восторгом принимаемые друзьями, не доходили до сцены, вечно не хватало денег, не ладилось с квартирой, а уж о критиках и говорить нечего — те пинали его как хотели. Понимала ли все это Елена Сергеевна? Еще как понимала! И тем не менее, как напишет она впоследствии брату, "я порвала всю эту налаженную, внешне такую беспечную, счастливую жизнь, и ушла к Михаилу Афанасьевичу на бедность, на риск, на неизвестность".

В романе о своем решении она сама извещает мужа. "Прости меня и как можно скорее забудь. Не ищи меня, это бесполезно". На самом же деле эту тяжкую ношу взвалил на себя Булгаков. Сохранилось письмо, вернее, начало его письма к Шиловскому.

"Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше. И мы хотим по..."

На этом письмо обрывается. Но прочитать недописанное слово позволяет другая записка Булгакова, набросанная тогда же, в сентябре 1932 года, прямо на одном из заседаний во МХАТе.

Записке, адресованной режиссеру В.Сахновскому, предпослан гриф: "Секретно. Срочно". И далее сообщается, что без пятнадцати четыре ее автор должен быть в другом месте. "...Я венчаюсь в Загсе. Отпустите меня через десять минут".

Как реагировал на все это бывший муж? Бывший муж, поняв, что тут не интрижка, не быстротечное увлечение, нашел в себе силы достойно вынести удар. Он даже взял на себя труд самому сообщить о переменах в семейной жизни родителям бросившей его женщины — те в то время жили в Риге.

"Дорогие Александра Александровна и Сергей Маркович! Когда Вы получите это письмо, мы с Еленой Сергеевной уже не будем мужем и женой. Мне хочется, чтобы Вы правильно поняли то, что произошло. Я ни в чем не обвиняю Елену Сергеевну и считаю, что она поступила правильно и честно... Раз у Люси родилось серьезное и глубокое чувство к другому человеку, — она поступила правильно, что не пожертвовала им".

Следом, буквально через несколько дней, пришло и письмо дочери.

"Вы сами понимаете, мои любимые, что сейчас на душе у меня и тревога, и боль. Но вместе с тем, полтора года разлуки мне доказали ясно, что только с ним жизнь моя получит смысл и окраску".

Младшего сына взяла с собой, старший, Женя, которому уже исполнилось десять, остался с отцом, но постоянно бывал у матери и очень сдружился с ее новым мужем. Бесконечно готов был слушать главы "Мастера и Маргариты" — автор читал их гостям часто, и читал великолепно, а рядом тихонько сидела та, кто, собственно, вызвал к жизни эти вдохновенные страницы. Булгаков засвидетельствовал это не только в письмах, не только в признаниях друзьям, но и в самом романе.

"Она сулила славу, она подгоняла его... и говорила, что в этом романе ее жизнь".

Его, разумеется, тоже... За несколько дней до смерти, когда он, уже совсем ослепший, уже с трудом произносящий слова, выговорил-таки: "Мастер..." — она, перекрестившись, дала клятву, что напечатает роман. Напечатает, хотя даже самые заядлые оптимисты утверждали, что если чудо такое и произойдет, то не раньше как через сто лет.

Клятву эту она, как известно, сдержала. Что же касается последнего полета, то описание его читатель найдет в заключительной главе "Мастера и Маргариты".

"Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился Мастер. Волосы его белели теперь при луне и сзади собирались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног Мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то зажигающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, Мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой".

Полет этот продолжается и поныне...

Руслан КИРЕЕВ.